ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-Й | № 147 (4070) | ВТОРНИК, 13 ДЕКАБРЯ 1966 г. | ЦЕНА 4 коп.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

12 декабря 1966 года в Кремле открылся Пленум Центрального Комитета КПСС.

В повестке дня Пленума:

1. О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения.

2. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1967 год.

3. О Государственном бюджете СССР на 1967 год.

С докладом по первому вопросу повестки дня Пленума выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум продолжает свою работу.

ВЕЧЕР ФРОНТОВОЙ ЛИРИКИ

ВЫСТУПАЮТ:

Н. Тихонов

С. Шипачев

Ю. Друнина

М. Луконин

Александр НИКОЛАЕВ

ДЕНЬ поэзии давно уже перестал быть «днем». Теперь это не только выступления поэтов в книжных магазинах, но и серия вечеров — в Политехническом музее, в Центральном Доме литераторов, в Концертном зале имени Чайковского, во Дворце спорта.

Праздник поэзии проходит в дни, когда мы отмечаем 25-летие разгрома фашистских войск под Москвой. Поэтому одним из главных событий поэтического праздника стал вечер фронтовой лирики, состоявшийся в Зале имени Чайковского в минувшую субботу. Стихи, написанные в суровую годину, дороги не только их создателям, но и тем, кто встретился с ними во фронтовой землянке, в окопе, в бою. И, конечно, молодым, до которых эти строки доносят живое дыхание героического времени.

Открывая вечер, Константин Симонов заметил, что поэты продолжают любить свои фронтовые стихи со всеми их слабостями и недостатками, памятуя, что в тяжелые дни испытаний эти стихи так нужны были людям.

Как бы подытоживая все, что мы пережили за эту войну и чего добились, Маргарита Алигер читает отрывок из поэмы «Твоя победа». А в зале сидят и, затаив дыхание, слушают те, кто добывал нашу победу собственной кровью, и те, кого можно назвать поколением победы.

Гляжу я на них, молодых, и вспоминаю себя и своих друзей, какими мы были четверть века назад. И вспоминаю стихи, написанные разведчиком, поэтом Давидом Самойловым:

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Да, мы были тогда совсем молодыми. А многие из нас остались молодыми навсегда по той горькой причине, что мертвые остаются молодыми. Но их стихи и песни по-прежнему в строю.

Поразительно, как остро они сознавали время, как могли предсказать свою собственную судьбу. Михаил Кульчицкий, еще только предчувствуя, что «военный год стучится в двери», в 1939 году писал:

Наперевес с железом сизым
И я на проволоку пойду,
И коммунизм опять так близок,
Как в девятнадцатом году!

А вот еще один фронтовой разведчик — Николай Майоров. Он писал:

...Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах прочитаете, как миф.
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Скольких солдат, разведчиков и автоматчиков спасла из-под огня санинструктор Юлия Друнина! А сейчас она стоит на трибуне и читает стихи о своей фронтовой юности.

Имя Николая Семеновича Тихонова в наших сердцах связано с Ленинградом, с героической обороной города на Неве. И нам особенно приятно было снова услышать его стихи о городе, носящем имя Ленина. Зал стоя приветствовал седовласого патриарха советской поэзии, недавно отметившего свое семидесятилетие.

Кто из бывших фронтовиков не знает песни «Давай закурим!»? На вечере текст этой песни прозвучал в исполнении автора Ильи Френкеля. Сбылось еще одно поэтическое пророчество сорок первого года: «Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать. Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...»

Было о чем вспомнить и Василию Субботину, в последние часы войны шедшему с батальоном, штурмовавшим рейхстаг. И мы как бы снова увидели Бранденбургские ворота.

Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных камней
Перебиты железные ноги.

Но это было потом — в конце войны. А в начале солдат 8-й гвардейской легендарной Панфиловской дивизии Сергей Смирнов создавал стихи — то с солдатской суровостью, то с грустью, то с лукавинкой и шуткой. Они прозвучали в Москве снова четверть века спустя.

Перед нами вновь и вновь воскресают картины фронтовой жизни, картины того, что давно ушло, но вечно живо в душе каждого солдата.

«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?» — спрашивает своего друга Константин Симонов. И я уверен, что все, когда-то прошедшие этими дорогами, вспоминают сейчас свои боевые пути. А я думаю об отце, который тоже прошел дорогами Смоленщины на восток. Ему не довелось пройти этими дорогами на запад, он погиб где-то на одной из них... И еще я думаю о том, что Алеша, к которому обращено это стихотворение, поэт Алексей Сурков, хотя и не выступает сегодня, но тоже присутствует в этом зале, потому что нельзя представить себе нашу фронтовую лирику без его стихов, родившихся в землянке во время обороны Москвы:

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

И вспомнились мои боевые друзья — Павлик Агарков, партийный работник, вынесший меня когда-то из огня; мой военачальник, отличный человек, Павел Иванович Батов; фронтовой мой побратим сапер Марк Соболь. Верно говорят солдаты, что сапер на войне ошибается только один раз. Если бы ты знал, Марк, как я счастлив, что ты не ошибся, что, как ты сам сказал:

И богатые победами,
Чередой пошли года.

Может быть, кто-нибудь укоризненно заметит, что я слишком увлекся личными воспоминаниями и отошел от строгой формы газетного репортажа. Тем хуже для репортажа, если он против личных воспоминаний! Разве стихи Михаила Луконина, прошедшего две войны и знающего, почем фунт солдатского лиха, я могу комментировать с протокольной объективностью репортера:

...лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой!

Мы хорошо знаем, за что гибли наши солдаты. Память о них вечно жива в наших сердцах. В стихах Степана Щипачева «Павшим», которые прозвучали на вечере, сказано об этом так, как думаем все мы:

Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
Достойна будет жизнь моя
Солдатской смерти их.

ФРОНТОВАЯ лирика! Сколько воспоминаний будят эти слова, сколько в них боли по ушедшим, сколько любви и веры в наше правое дело. Уходил я с этого вечера, как будто возвращался с фронта — и радостно, и болят фронтовые раны.

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ИМЕНИ МАХТУМКУЛИ

Комитет по Государственным премиям Туркменской ССР имени Махтумкули принял решение о присуждении премий классика туркменской литературы, поэта и мыслителя Махтумкули.

Первыми лауреатами премий имени Махтумкули стали писатель Беки Сейтаков — автор трилогии «Братья», композитор Дангатар Овезов (посмертно) и поэт Кара Сейтлиев — авторы оратории «Ленин», народный артист СССР режиссер Алты Карлиев, оператор Анатолий Карпухин, писатель Берды Кербабаев, артисты Баба Аннанов и Жанна Смелянская — создатели художественного фильма «Решающий шаг».

ЛГ интервью

КАК ЗДОРОВЬЕ ПЛАНЕТЫ?

«Землетрясение в Скопле». «Землетрясение в Ашхабаде». «Землетрясение в Ташкенте». «Землетрясение в...»

Не слишком ли много подобных сообщений в последнее время появляется в мировой прессе? Не заболела ли наша планета? Не нарастает ли тектоническая лихорадка? Что могут ответить на эти тревожные вопросы ученые?

Крупнейший геолог нашей страны академик Александр Леонидович Яншин сказал мне с улыбкой:

— Осенью, когда в Ташкент собиралась комиссия Академии наук СССР, ученые обещали не возвращаться, пока не прекратят «это подземное безобразие»...

— *Но все же, что произошло в Ташкенте?*

— Представьте себе толщу коры на десятки километров. Далее, вглубь на сотни километров, лежит таинственная мантия Земли. Где-то на глубине сотен километров по неизвестным науке причинам произошел разлом, вертикальный сдвиг, провал огромного пласта. Этот провал произошел не сразу. Подвижка вызвала сначала еле ощутимые толчки, которые быстро нарастали. И наконец — свершилось: часть породы обрушилась на десятки, а может быть, сотни метров. Это вызвало первый мощный толчок, ставший для города роковым.

А уже затем в образовавшуюся полость стали рушиться верхние пласты. Эти явления были менее значительными, чем основной катаклизм, но, поскольку фронт обрушения приближался к поверхности Земли, сила некоторых толчков ощущалась не слабее основного. Обрушение, приближаясь к поверхности, прекратилось, поскольку место, занятое ранее плотными, слежавшимися за миллионы лет породами, заполнилось рыхлыми обрушенными породами.

Ташкентская стихия затихла или затихает. Возможны еще толчки. Но вряд ли они превысят теперь 3—4 балла...

— *Можно ли считать, что тектоническая активность планеты возрастает?*

— Я бы ответил на этот вопрос несколько парадоксально, — сказал академик, — возрастает наша осведомленность о тектонической жизни Земли. Ведь наблюдения ведутся всего 40—50 последних лет, а это в геологическом отсчете времени даже не секунда. Во всяком случае мы очень хорошо знаем, что живем не на мертвом, окаменевшем космическом теле. Земля — живой организм. Она непрерывно развивается, меняется. И, может быть, наблюдаемое сейчас некоторое оживление активности — просто легкий вздох планеты. Во всяком случае беспокоиться о ее здоровье нет никаких оснований. Пульс Земли нормален...

М. БАРИНОВ

В КАНУН ДНЯ ПОЭЗИИ

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ:

В 1966 году мне исполнилось семьдесят лет. Книг у меня вышло изрядно. В издательстве «Художественная литература» — двухтомник, в котором представлена большая часть моей поэтической работы за пятьдесят с лишним лет. Для перестраховки я сказал «бо́льшая часть», а если говорить точнее, в этих двух книгах содержится решительно ВСЯ моя поэтическая работа, достойная перепечатки сегодня. В библиотеке «Огонек» вышел маленький сборник избранных стихов из двух последних книг «Высокое напряжение» и «Четвертое измерение». В ближайшее время в издательстве «Прогресс» в серии «Мастера поэтического перевода» появятся избранные переводы «От Бодлера до Бассиса». К этим сборникам 1966 года я должен присоединить также книгу «Пути поэтов» («Советский писатель»), хотя она и вышла в конце 1965 года. Книга в основном литературоведческая, однако для меня это нечто большее, чем литературоведение. Я здесь называю ее потому, что она впрямую связана с текущей работой. Если бы она еще не вышла, я мог бы ее серьезно расширить. Прежде всего, в ней была бы в дополненном виде статья о Марине Цветаевой, напечатанная в журнале «Новый мир», статья о Бодлере, о Симоне Чиковани, нашем прекрасном друге, жизненный путь которого так недавно и так безвременно оборвался. Кроме того, в этой книге была бы работа о лермонтовском «Маскараде».

О планах на будущее мне говорить трудно и как-то неловко. Опыт прошлых лет учит старого поэта не слишком распространяться о таких планах, поскольку они очень редко исполняются. Конечно, я продолжаю писать стихи. Но всегда, как в юности, так и теперь, стихи пишутся где-то «вне времени», то ли в сумерки, то ли перед рассветом. Я стараюсь не вести им счета. Однако около тысячи строк у меня есть. Пишу я и поэму, первая глава которой недавно была опубликована в «Литературной России».

К моему глубокому сожалению, состояние здоровья не позволяет мне принять непосредственное участие в Дне поэзии. Сказать по чести, для меня это большое лишение, ибо непосредственное общение с аудиторией всегда было для меня и остается по сей день высшей формой творческой радости.

□

Евгений ВИНОКУРОВ:

НАЧНУ с того, что как будто не является главным в моей работе, но над чем я трудился увлеченно. В издательстве «Советская Россия» вышла моя книга «Поэзия и мысль», писавшаяся в разные годы и частично опубликованная в периодической печати. В ней две части — статьи о поэзии и заметки о русских поэтах, например, о Пушкине, Фете, Цветаевой.

Недавно в серии «Сокровища лирической поэзии», выходящей в издательстве «Художественная литература», увидел свет томик лирики Фета. Я составил его и написал к нему предисловие. Работа над этой книгой захватила меня. Хотелось отобрать из стихов Фета те, что наиболее созвучны сегодняшнему читателю. Мне думается, что они-то и есть лучшие его произведения. По-моему, поэзия Фета, долгие годы бывшая достоянием довольно узкого круга ценителей, сейчас имеет возможность завоевать гораздо более широкого читателя. Составил я недавно еще один сборник — избранные стихи Блока (издательство «Молодая гвардия»).

Теперь о главном — о двух моих поэтических книгах. Одна — «Характеры» — уже вышла в издательстве «Советский писатель». Другая — «Ритм» — вот-вот должна выйти в издательстве «Московский рабочий». Обе они составлены из новых стихов.

Планы на будущее? Буду трудиться над статьями о поэзии Пушкина, Баратынского, Заболоцкого. Надеюсь издать когда-нибудь большую книгу о поэтах и поэзии. Но самое основное, конечно, — продолжать работу над стихами, что я и делаю. Возможно, буду работать над биографической прозой. Все-таки слишком большой и важный жизненный материал остается «за бортом» стихов. Например, воспоминания, впечатления военных лет. Хочется написать об этих годах в прозе. Кое-что уже сделано. Но пока это наброски, ждущие своего часа.

□

Михаил МАТУСОВСКИЙ:

Я ЗАКОНЧИЛ работу над книгой стихов «Тень человека», она выйдет в издательстве «Советский писатель». Побывав в Хиросиме, я считал своим долгом рассказать о невероятных страданиях, которые перенес этот город, о трагической судьбе его жителей, о том, как сегодня живут люди на опаленной земле Хиросимы.

Кроме стихов, я продолжаю работать в дорогом для меня жанре песня — в новым кинофильмам, спектаклям, для радио в телевидения.

Особенно запомнившимся мне событием этого года было открытие неподалеку от станции Бетлица памятника защитникам Безымянной высоты, которым мы с композитором В. Баснером посвятили свою песню. Навсегда сохранится память о героях-сибиряках, сражавшихся «у незнакомого поселка, на безымянной высоте».

Что же касается дальнейших планов, то, не будучи человеком суеверным, все-таки предпочитаю говорить не о том, что задумано и что находится в черновиках, а о том, что сделано. Во всяком случае, не ошибусь, если скажу — ато будут новые стихи и песни.

□

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ:

ЖДУ сигнального экземпляра новой книжки стихов — «Сын Веры». Она выходит в «Молодой гвардии». Это, впрочем, уже прошлое. А сейчас закончил «Поэму о разных точках зрения». Где она появится? Еще не знаю. О чем она? Автору труднее, чем кому-либо, пересказывать свои стихи. В поэме нет сюжетного каркаса, нет плавно развивающегося действия. Это лирическая вещь, в которой я отстаиваю свой взгляд на мир. Конкретнее на этот вопрос, надеюсь, ответит сама поэма.

Я собираю также новую книгу для «Советского писателя». Что еще? Вернулся из поездки по Уралу и Волге, был в Ульяновске, Казани, Челябинске, Свердловске. Встречался с читателями — это тоже моя работа, которую я считаю важной. В конце декабря в качестве гостя еду в Индию на конференцию Ассоциации прогрессивных индийских писателей.

□

Арсений ТАРКОВСКИЙ:

КОНЕЦ года приходит всегда неожиданно, и к этому нельзя привыкнуть. Время уносит еще один год, а вместе с ним и то, что ты увидел, пережил, сделал.

Сегодня, в дни праздника поэзии, я заканчиваю работу над переводами стихов классика грузинской литературы Важа Пшавела. Кроме него, я хочу представить читателям еще двух поэтов, стоящих на полюсах тысячелетия, — Симона Чиковани (цикл «Из последней тетради» уже напечатан в журнале «Дружба народов», № 9, 1966) и арабского поэта XI века Абу-ль-ала аль-Маарри.

И, конечно, каждый день пишу сам...

НА ЗЕМЛЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ...

ПО асфальтовой ленте дороги стелется белая поземка. Второй раз еду в Амурск, и второй раз — непогода. Осенью лил дождь, сейчас — метель... За окном автобуса тайга да сопки. Но вот возникает Амурск. О городе много пишут в газетах, рассказывают по радио, я кинохроникалах. Здесь строятся крупнейший целлюлозно-картонный комбинат. Здесь вообще много строят, а будут строить еще больше.

Кто такая Нина Лукьянова? Темноволосая девушка маленького роста. У нее чуть надорванный носик и серьезный, внимательный взгляд. Сними она свою шапку-ушанку и зимнее пальто, и я не знаю, что от нее останется — настоящая Дюймовочка. Но у Дюймовочки не было специальности. А та?

— Я каменщица.

— Что строите?

— Дома.

— Игрушечные, из кубиков?

Дюймовочка улыбается и в свой ответ вставляет серьезные слова: объект, прораб, кладка...

Говорю с Ниной долго. Этот человек успел испытать и жизни немало трудностей. Была Нина пятой в семье. Росла без отца. С первых лет жизни узнала Нина нелегкие взрослые работы. Окончила школу, но в институте учиться не смогла. Пошла работать. Встретил Нину Амурск приветливо, выучил специальности. Подружил с чудесными ребятами, дал ей светлые мечты и уверенность в завтрашнем дне.

— Трудно нам, Дюймовочка?

— Трудно.

А попробуй, предложи уехать из Амурска. Ни за что не согласится!

НЕДАВНО я присутствовал во Владивостоке на вечере — чествовали полярников. В клубе моряков собрались члены экипажей многих судов Дальневосточного пароходства, чтобы поздравить экипаж могучего арктического богатыря ледокола «Ленинград», который освободил в эту навигацию из ледового плена десятки судов.

На этом вечере собравшиеся также тепло приветствовали команду ледокола «Москва», родного брата ледокола «Ленинград», завоевавшего звание экипажа высокой производственной культуры. Мне очень приятно было встретиться с героями книги, над которой я работаю в настоящее время, с героями, о которых я писал репортажи.

Эти заметки о земле Дальневосточной мне хочется закончить сообщением о большом событии в культурной жизни нашего города и края.

В Хабаровск, на Неделю дальневосточной поэзии, съехались поэты Сахалина, Комсомольска-на-Амуре, Биробиджана. Сейчас, когда я передаю эти строки, поэты-дальневосточники встречаются со своими читателями. В нынешнем году Хабаровское книжное издательство выпустило в свет несколько сборников стихов молодых дальневосточных поэтов. К 50-летию Советской власти наше книжное издательство решило выпустить Антологию дальневосточной поэзии.

Борис КОПАЛЫГИН
(Наш корр.)

ХАБАРОВСК, 12 декабря.

На снимке: *Амурский целлюлозно-картонный комбинат.*

Шахматное обозрение

ДАВАЙТЕ БЕЗ ЦЕЙТНОТОВ!..

ЕСЛИ ДЕД МОРОЗ ИГРАЕТ В ШАХМАТЫ, ТО ОН, ВЕРОЯТНЕЕ ВСЕГО, НОВЫЙ ГОД БУДЕТ ВСТРЕЧАТЬ В ТБИЛИСИ. ПОЧЕМУ? ОБ ЭТОМ ВЫ И УЗНАЕТЕ, ПРОЧИТАВ ЭТО ШАХМАТНОЕ ОБОЗРЕНИЕ...

И на шахматных часах стрелки приближаются к Новому году. Между тем многое еще недоделано. Конец года для наших лучших шахматистов — горячая «пора уборки». На днях самолет доставил в Москву из Гаваны нашу мужскую сборную с большим грузом отличий. В восьмой раз привезен в Центральный шахматный клуб кубок чемпионов мира. М. Таль, едва — буквально «в одно касание» — ступне на московскую землю, тут же улетел в Барселону на международный турнир: не было еще такого случая, чтобы М. Таль отказался от возможности поиграть в шахматы или сказал, что ему нужен отдых.

Незадолго до этого в столицу прибыл из ФРГ кубок, который завоевали Нона Гаприндашвили, Татьяна Затуловская и Валентина Козловская. Затем «королева Нона» временно отошла от дел. А Затуловская и Козловская, успешно завершив выступление в дружной команде, занялись «личными» делами — сражаются в финале первенства страны. Спор идет о золотой медали чемпионки, и землячка Ноны Гаприндашвили юная Нана Александрия имеет на этот счет особое мнение. Совсем недавно она еще играла в турнирах в коричневом платье и черном фартучка школьницы, сейчас же дает уроки шахматистам любого возраста и ранга. Несомненно, что наши «женские шахматы» помолодели, стали сильнее — ато приятно.

Считанные дни остались до того, когда в Тбилиси, по-видимому, в Театре имени Руставели, начнется 34-е личное первенство СССР. Финал в рекламе не нуждается. Позволю лишь сказать о мнении Тиграна Петросяна — он заметил, что для крупного шахматиста крайне вредно не играть в финалах. Сказал он мне ато сразу после победы в матче над М. Ботвинником и... с тех пор не играл в подобных соревнованиях. Тяжела шапка Мономаха, трудно быть шахматным королем, надо успевать на многочисленные соревнования. Перед шахматной Олимпиадой в Гаване Т. Петросян колебался: нужно играть за команду СССР и выступать в финале. Нам быть? Для начала он занял первое место на первой доске в Олимпиаде, а затем собрался ехать в Тбилиси. Излишне говорить, нам встречено ато решение...

Т. Петросян выступит в серьезной компании. Это гроссмейстеры Л. Штейн — чемпион 1966 года, Л. Полугаевский, М. Тайманов, В. Смыслов, Е. Геллер, Д. Бронштейн, В. Корчной, А. Суэтин, Н. Иргинус, Р. Холмов и В. Либерзон. Мастера на этот раз подобрались такие, о которых говорят, что они «сердиты на гроссмейстеров» и к тому же претендуют на этот титул: Н. Ней, З. Гуфельд, А. Лейн, А. Гипслис, молодой и неуклонно двигающийся вперед В. Савон, опытный В. Оснос и новички в финале, но не в шахматах Ю. Николаевский и В. Дорошкевич. Есть на что посмотреть тбилисцам. Им позавидуют многие шахматисты. Борьбу в турнире обострит еще и то, что четверо, не считая Т. Петросяна, играющего вне конкурса, получат путевки на межзональный турнир, на очередное состязание, которое определит кандидата на матч с чемпионом мира в 1969 году. Международный турнир состоится в Тунисе, — это будет первый крупный международный турнир в Африке.

Итак, первенство СССР 1966 года не «уместилось» в один год, выходит в будущий, который наши гроссмейстеры смогут таким образом встретить вместе. (Вот почему, если Дед Мороз играет в шахматы, то он, вероятнее всего, будет встречать Новый год в Тбилиси — с гроссмейстерами.)

Кто победит в Тбилиси? Можно болеть за железного Тиграна, он будет спокойнее других, ему не надо «отбираться» для матча с чемпионом мира.

Поклонникам легкой, но мужественной манеры игры предлагается чемпион страны Леонид Штейн. Ряды сторонников экс-чемпиона мира Василия Смыслова и шахматного чудесника Давида Бронштейна сформировались давно. Бывает, подводит своих почитателей Виктор Корчной, самый резкий и рискованный «защитник» шахматных полей. На этот раз, кам, впрочем, всегда, он горит желанием победить всех своих коллег. Знакомы с первым местом и Ефим Геллер, и Марк Тайманов. Сложная картина. Немало придется поработать шахматистам, чтобы в ней разобраться.

Уходящий год показал, что чемпион мира уверенно занимает свое место на троне. Однако желающих нанести поражение чемпиону в 1969 году не стало от этого меньше.

В шахматный календарь вилючились... машины. Собственно, они играют не первый год, но вот матч через океан, где мерятся силами машина Стэнфордского университета и машина Московского института теоретической и экспериментальной физики, беспрецедентен. Математики снабдили машины программами. Шахматы для математиков — отличный экспериментальный «кролик». Совсем недавно раздавались голоса, что машине «слабо» играть в шахматы. Играют! И учатся. «Будут играть прекрасно», — замечает доктор технических наук М. Ботвинник. Пока же машины делают некоторые ходы, которые вызывают снисходительные улыбки мастеров. Пока машинам еще можно давать сеансы одновременной игры...

...Бегут стрелки шахматных часов, приближают нас к Новому году, к фейерверку всесоюзных и международных турниров. В 1967 году Дед Мороз обещает много выдающихся турниров. И хорошо бы еще... новые шахматные часы. А то ведь с шахматами у нас в стране хорошо, с часами — тоже неплохо, но шахматные часы — неуклюжие, как старый сундук.

Михаил ЕЙЛИН,
мастер спорта

рождено XX веком

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ «НАУКИ О ДУШЕ»

КАК-ТО незадолго до смерти Эйнштейн попросил известного швейцарского психолога Пиаже, приехавшего в Принстон, рассказать о результатах исследования детских представлений... Беседа затянулась. Великий физик, слушая Пиаже, то и дело восклицал: «Как это трудно! Насколько психология труднее физики!»

Со времен Аристотеля психология рассматривалась как одна из второстепенных гуманитарных наук. Считалось, что она нужна человеку лишь для общего развития, для повышения его культуры. Однако XX век и в особенности последние десятилетия существенно изменили роль и значение психологической науки в жизни человека.

Оказалось, что психические процессы — ощущение, восприятие, память, мышление — подчиняются определенным закономерностям, которые могут быть выражены с помощью математического языка. Оказалось, что они могут быть довольно точно измерены и что психологический эксперимент по строгости и изяществу не уступает многим физическим экспериментам. Но дело не только в научном значении полученных психологами результатов. В XX веке эта некогда абстрактная область знаний сделала шаг за пределы лабораторных стен и стала помощницей человека в его практической деятельности.

Древнегреческие философы были бы, вероятно, немало удивлены, если бы узнали, что «учение о душе» (таков буквальный перевод слова «психология») может способствовать повышению производительности труда, что на основе данных этой науки ускоряется создание приборов и спичек, одежды и самолетов.

СОБСТВЕННО, значение психологии для производства было осознано еще в конце прошлого века, когда ученые обнаружили зависимость эффективности выполняемой работы от физических и психологических особенностей человека. Правда, в то время проблемы психологии труда еще не могли быть поставлены со всей остротой, так как в этом не было необходимости. Однако производство развивалось, появились новые профессии, некоторые из них предъявили высокие требования именно к психологическим особенностям человека, возникла необходимость быстро воспринимать и запоминать многочисленные сигналы, стремительно оценивать сложившуюся производственную ситуацию и правильно реагировать на нее точным действием. Уже первые результаты экспериментально-психологических исследований позволили не только повысить эффективность труда, но и помогли в ряде случаев предотвратить аварии и снизить травматизм на производстве.

Примеры использования психологии в системе научной организации труда были столь обнадеживающими, что стала очевидной необходимость оформления специальной науки — инженерной психологии, которая занялась бы разработкой рекомендаций по оптимальному взаимоотношению между человеком и машиной.

СУТЬ оптимального взаимоотношения человека и технического устройства состоит в том, что устройство должно соответствовать закономерностям психической деятельности человека. Следовательно, первая задача инженерной психологии — приспособление машины к человеку.

Создателям приборных панелей для кабин самолетов и различных операторских пультов необходимо знать, какая форма шкалы дает наименьший процент ошибок при считывании. Для ответа на этот вопрос психологи провели исследования. Испытуемому предъявлялись на короткое время (0,12 сек.) шкалы различной формы — линейные вертикальная и горизонтальная, полукруглая, круглый циферблат, а также числа в окошке. Эксперименты на шестидесяти испытуемых выявили, что восприятие показаний прибора на линейной вертикальной шкале ошибочно в 35,5 процента случаев. Линейная горизонтальная шкала позволяет делать уже существенно меньше ошибок: 27,5 процента, полукруглая — 16,6, круглый циферблат — 10,9 и, наконец, цифровые показатели в окошке дают лишь 0,5 процента ошибочных считываний.

Особое значение инженерно-психологические данные имеют в том случае, когда перед летчиком или оператором расположено большое число приборов. Иногда их так много, что человек вообще не может удовлетворительно перерабатывать поступающую от приборов информацию. В результате возникает ситуация, когда, скажем, растерянность или неспособность летчика вовремя прочесть показания одного из приборов может привести к катастрофе. Чтобы устранить это, психологи предлагают такую компоновку приборов, при которой все стрелки установлены в одну линию. В этом случае отклонение любой стрелки будет немедленно замечено и, что особенно важно, число ошибок не превысит трех процентов.

Иногда инженерные психологи добиваются значительного производственного эффекта довольно простыми средствами. Например, оператор сидит перед пультом, на котором расположены 32 прибора. По аварийному звуковому сигналу он должен в кратчайшее время найти один из них. Контрольный эксперимент показал, что для этого ему нужно 18,15 секунды. Если аварийный сигнал подавать справа или слева, в зависимости от места расположения прибора, то время поиска сокращается до 10,39 секунды. Если же каждый аварийный сигнал к тому же окрасить высоким или низким тоном в зависимости от того, в верхней или в нижней части панели находится прибор, то время поиска сокращается до 6,21 секунды. Следовательно, при возникновении аварии ориентирующий звуковой сигнал может сократить время поиска нужного прибора почти в три раза.

ИЗВЕСТНО, что люди отличаются друг от друга по способности чувствовать, запоминать, мыслить. Одни вызывают удивление своей рассеянностью, другие — наблюдательностью. Одни лучше запоминают на слух, другим обязательно нужно прочесть или увидеть. Одни отличаются быстрой реакцией, другие реагируют медленно, но зато точно.

Эти индивидуальные различия в психике не могут не влиять на трудовую деятельность: один человек выполняет данную работу успешно, другой — нет. Довольно часто некоторые психологические несоответствия рабочего и выполняемой работы удается компенсировать специальным обучением. Но есть профессии, где даже самое эффективное обучение не может гарантировать необходимой надежности работы, если работник от природы не обладает нужными психофизиологическими качествами. Это те виды деятельности, которые связаны со значительным риском, с большим эмоционально-волевым напряжением и ответственностью за жизнь людей или сохранность значительных материальных ценностей. Именно тут возникает проблема психофизиологического профессионального подбора — одна из самых сложных проблем технической психологии.

Одно время у нас, к сожалению, недооценивалась проблема профессионального подбора. И сейчас еще кадры для железнодорожного и автомобильного транспорта чаще всего подбирают без использования научных методов психофизиологии. Однако руководители автохозяйств должны помнить, что 70—80 процентов автомобильных аварий происходит из-за невнимания к психологическим особенностям водителя.

Необходимость разработки научно-психологических методов блестяще подтверждает практика авиации и космонавтики. Космонавты, при подборе которых использовались методы психофизиологии, полностью оправдали психологические прогнозы.

НАКОНЕЦ, несколько слов о «внедрении» методов инженерной психологии. Современный инженер, имеющий дело с работой сложнейших автоматизированных производственных систем, должен научиться мыслить инженерно-психологически. Сейчас это совершенно необходимо. Естественно, самым рациональным было бы преподавать инженерную психологию в технических вузах. Именно на студенческой скамье будущий командир и организатор производства мог бы получить необходимые знания по инженерной психологии и овладеть ее методами. Это позволило бы ему находить наиболее рациональные решения в каждом конкретном случае. Мог бы, но пока, к сожалению, не может. В технических вузах страны нет кафедр инженерной психологии. Нет даже курсов по этой дисциплине. Количество инженерных психологов ничтожно. Основная их масса работает в научно-исследовательских институтах.

Отсюда напрашивается вывод: необходимо организовать хотя бы в нескольких технических вузах кафедры инженерной психологии, которые могли бы готовить технически грамотных психологов для нужд производства. Нет никаких сомнений, что создание таких кафедр принесет огромную пользу народному хозяйству. Об этом свидетельствует опыт отечественной и мировой практики.

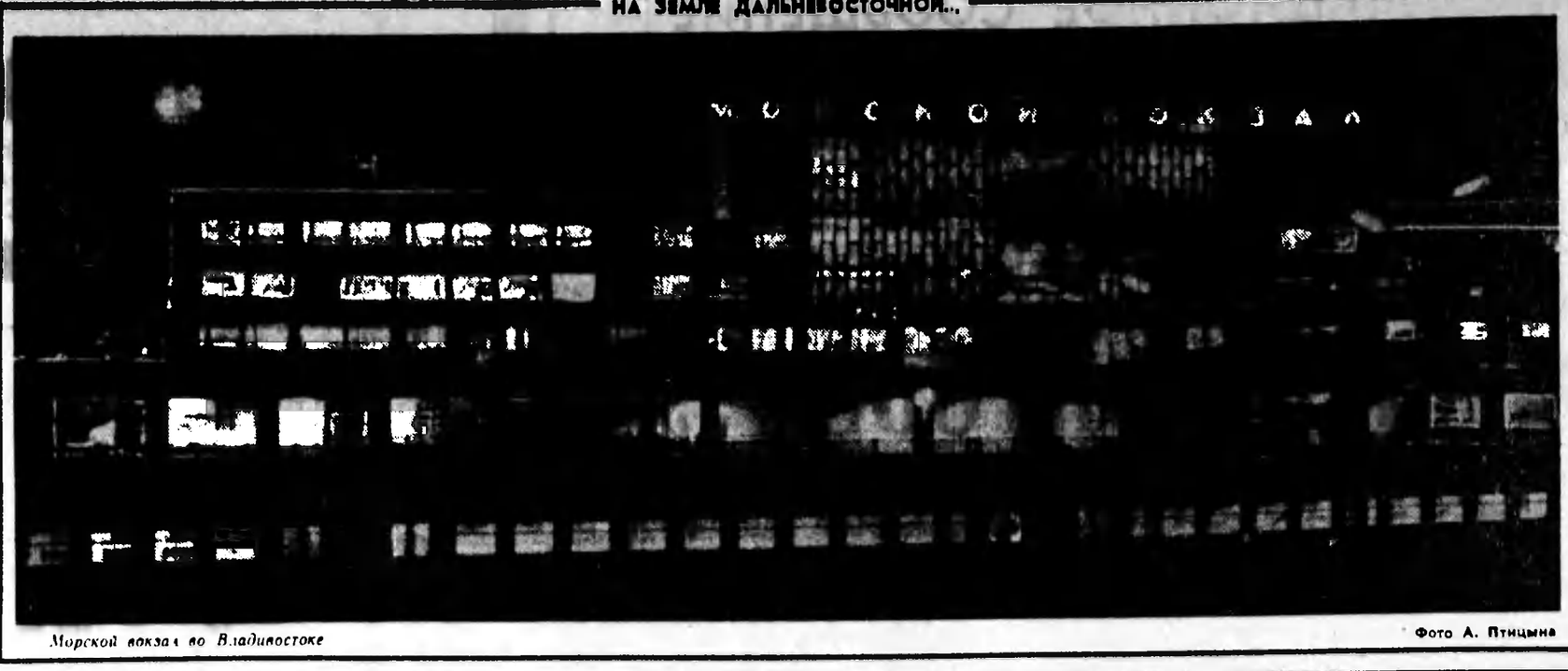
В. ПУШКИН,
психолог,
кандидат педагогических наук

После статьи «НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА»

В «Литературной газете» № 38 была опубликована статья группы авторов «Народная медицина», в которой поднималась проблема современной научно-практической основы изучения народных методов врачевания. Из Министерства здравоохранения нам сообщили, что вопросы, затронутые в статье, стали предметом обсуждения Ученого совета Всесоюзного научно-исследовательского института лекарственных растений (ВИЛАР), который принял решение о расширении исследований в области фармакогнозии. В институте создана лаборатория «народной медицины», предусматривается также усилить подготовку квалифицированных специалистов — фармакогнозов для изучения местной лекарственной флоры в союзных республиках. Намечается подготовить и печати справочник по лекарственным растениям.

Специальное совещание, созванное Ученым медицинским советом Министерства здравоохранения СССР, рассматривая вопрос о координации исследований в области фармакогнозии, пришло к выводу о нецелесообразности создания нового центра по изучению народной медицины.

НА ЗЕМЛЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ...

Морской вокзал во Владивостоке

Фото А. Птицына

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КАПИТАНА

НА ДНЯХ мне довелось быть на дне рождения. Как положено в такие дни, имениннику говорили хорошие, добрые слова: старшие вспоминали всякие случаи из его жизни, младшие обещали вырасти такими же честными, храбрыми и мужественными, как он. И, конечно, преподносили разные подарки — кто цветы, кто вышивку, кто альбом с рисунками...

Именинник оказался человеком известным, — на его семейное торжество сошлись не только многие станичники, но и приехали гости из соседнего, Ставропольского края. Он был коммунистом, и на празднество прибыли товарищи из райкома партии. Он был офицером, участником Великой Отечественной войны, и почтить его явились весь в орденах и медалях седовласый майор, и его товарищи из шефствующей организации.

Так уж удачно совпало, что именно перед этим днем виновника торжества наградили орденом Отечественной войны II степени за смелость, отвагу и решительные действия при освобождении от фашистских захватчиков этой самой Новобатайской станицы. Присутствовавшие могли видеть под стеклом «Боевую характеристику», на основании которой произошло награждение. Бывший командир полка, ныне генерал-лейтенант в отставке А. И. Гервасиев писал, что вследствие особо трудных условий боевой обстановки командование не могло в тот момент представить лейтенанта Быкова к награде. И лишь теперь, спустя 23 года...

Нет, дорогой читатель, не жди знакомого продолжения фразы: ...заслуженная награда нашла наконец героя. К сожалению, награда героя уже не нашла — он погиб тогда же в боях за станицу. И самого героя долгое время не знал никто, была лишь полустертая надпись на заброшенной всеми могиле.

Эту надпись случайно увидел пенсионер ростовчанин Александр Михайлович Левда. Он задался благородной целью узнать о том, кто таков капитан Быков, разыскать его родных и знакомых. Об этих поисках в свое время рассказывала наша газета в корреспонденции «Во имя живых...».*

Прошло неполных три года, и теперь можно сказать, что доброе семя упало в благодатную почву. А. М. Левда уже не одинок, с ним вместе поиск ведут юные краеведы Новобатайской средней школы и одна из уральских школ на родине капитана. По следам 347-й дивизии, в которой воевал Быков, совершили поход красные следопыты пятой средней школы Ставрополя (лучшие из них присутствовали и на дне рождения капитана). Бывшие однополчане и сотрудники многих советских учреждений помогали в розыске архивных документов, в увековечении памяти героя, хлопотали о посмертном награждении его орденом.

И не только его. Раскрыты имена уже пятидесяти солдат и командиров, похороненных в братской могиле, которая любовно и заботливо содержится в центре станицы. Именами трех из них названы улицы Новобатайска. Четвертая улица, по просьбе родных и близких, названа Крым-Гиреевской в честь села Крым-Гиреевка Ставропольского края — двадцать уроженцев этого села сложили свои головы в боях за донскую станицу. Среди тех, кто занимался поиском имен героев, нет ни одного (подчеркиваю: НИ ОДНОГО!) родственника капитана Быкова — их у него не оказалось. Все это сделали совершенно чужие, или, как еще говорят, посторонние люди...

Вот почему день рождения Анатолия Быкова ежегодно справляет новая его семья — школа его имени. Вот почему посмертная награда капитана передана на вечное хранение в школьный краеведческий музей. В этой школе мне и довелось быть на дне рождения...

Е. ЛОПАТИНА,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

Ростовская область

* См. «Литературную газету» от 22 февраля 1964 г.

ЖИЗНЬ И НРАВЫ

Отклики читателей, обсуждающих статьи на тему «Жизнь и нравы», по-прежнему занимают видное место в редакционной почте. Перед вами три письма и небольшая корреспонденция нашего собственного корреспондента из Ростовской области.

В публикуемых материалах речь идет о нравственном долге человека, о культуре его поведения на работе, в кругу друзей, на улице... Некоторые из писем носят характер явно полемический и, видимо, вызовут возражения читателей (как, например, письмо В. Горлова).

Редакция продолжит обсуждение на тему «Жизнь и нравы» и приглашает принять в нем участие читателей «ЛГ».

УЗАКОНЕННАЯ БЕСТАКТНОСТЬ

ВЫ приходите в служебный кабинет. У вас жалоба, предложение, деловой разговор. Всего-то дела предположительно на десять-пятнадцать минут. Хозяин кабинета — весь внимание.

Вы настраиваете собеседника на тему, вас интересующую, и вдруг звонит телефон. Разговор обрывается. Проходит пять минут, семь...

Извинение. Вас просят продолжать. Сделать вам это теперь труднее, но вы собираетесь с мыслями, и вот, слава богу, разговор подвигается к середине. Увы, опять звонит телефон. Снова обмен любезностями, потом ваш собеседник начинает рыться в бумагах. Нужная не находится. Является секретарша (бухгалтер, инженер, кадровик), что-то ищут. Наконец нужная бумага находится. Вам вновь приносят извинения. Вы тревожно поглядываете на часы — подошло время для другой деловой встречи. Другой товарищ ждет вас и клянет за неточность. Так вот приходилось мне просиживать в солидных учреждениях по часу, а то и по два, вместо предполагаемых двадцати минут.

Мой знакомый как-то занялся подсчетом и выяснил, что председатель завкома одного из алтайских заводов Петр Васильевич Федоров больше половины приемного времени тратит на такие вот телефонные переговоры. Часы приема истекают, и нередко рабочим так и не удается попасть к нему на прием.

Бывает и так. Николай Федорович Сапин, инженер Рубцовского районного управления сельского хозяйства, пожаловался как-то (впрочем, я и сам тому свидетель), что начальник этого управления, собрав, как обычно, в своем кабинете специалистов на совещание, большую часть времени тратит на телефонные переговоры, заставляя всех участников совещания тратить впустую дорогое время.

Многие считают такое положение нормальным явлением. Я спорил с разными людьми. Председатель известного на Алтае колхоза «Страна Советов» Николай Николаевич Буханько, которого я почитаю за его деловитость и организаторские способности, за его умение ценить как свое, так и чужое время, сказал мне:

— Ты что же, хочешь сделать меня бюрократом? Я тут сижу, мне звонят, а я — что же, — не должен поднимать трубку, будто меня и нет?

Несчет бюрократизма можно поспорить. Выходит, к тому, кто звонит, он — сама любезность. А к тому, кто сидит перед ним? И почему это входить к занятому человеку считается бестактностью, а врываться к нему же посредством телефона — нормальное поведение?

Мне нравится тактика, которую применяет в общении по телефону районный прокурор Николай Григорьевич Крылков. Как-то он мне звонит:

— Алло! Ты там один?

— А что?

— Да, может, у тебя сейчас люди, а я перебью.

— А-а, понятно. У меня люди.

— Через сколько минут могу позвонить? Через двадцать? Хорошо.

Он позвонил через двадцать минут. И мы говорили с ним, никому не мешая, никого не смущая и не задерживая. Только вот таких, как Крылков, я встречал до крайности мало. Привычка вторгаться по телефону к занятым людям неизвестно когда и как стала у нас как бы узаконенной нормой этикета.

А. КАРПИЧ

г. РУБЦОВСК, Алтайский край

ГРУБОСТЬ «ОДЕРЖИМЫХ И ДОБРЫХ»

С похвальной настойчивостью борется наша печать с «носителями транзисторов», которые якобы мешают широким массам трудящихся нормально жить и отдыхать. Когда я читаю подобные статьи, мне становится искренне жаль их авторов, этих старомодных людей, тщетно пытающихся повернуть вспять стрелки часов, жаждущих тишины и покоя там, где они не только невозможны, но, если говорить начистоту, и не нужны.

Я один из тех, как легко догадаться, кто носит на желтом, славно поскрипывающем ремешке транзистор. Друзья шутя называют его моей «второй невестой». Я не могу согласиться с тем, что повальное увлечение транзисторами означает девальвацию чуда.

Нынешнее подмосковное лето было теплым, и каждое воскресенье я выезжал за город, забирался куда-нибудь подальше, включал музыку, — и разве можно при этом считаться с тем, что где-то поблизости ходит здравый медведь, которому даже музыка — музыка! — мешает жить. А если уж очень мешает, то отойди, уважаемый любитель стопроцентной тишины, метров на десять, на двадцать и не мешай наслаждаться жизнью современным, а не старомодным людям. Земля наша большая, места хватит и тебе, и нам.

Но о транзисторе я начал, как говорится, для затравки. Мне хочется сказать доброе слово вообще о ритме нашей жизни, о динамике сегодняшнего города.

Меня увлекает сам динамизм толпы.

Каждое время окрашено особым ритмом, особым стилем. Время дилижансов, почтовых карет, время велосипедов и первых автомобилей, время пароходов и наше, космическое время, когда даже в курьерском поезде томишься оттого, что едешь так нестерпимо долго! Это естественный, глубоко органичный ритм. Он связан с особенностями и условиями современного труда, и поэтому мне смешон человек, который стоит посреди улицы в часы «пик» с плакатным лицом, ожидая, что перед ним будет извиняться каждый, кто ненароком заденет его, спеша на работу или домой.

Даже машину нелегко перевести — и мне как инженеру это известно хорошо — из одного технологического режима в другой. Что же говорить о человеке! На заводе, где я работаю, мы ценим сейчас не только каждую секунду, но, честное слово, даже доли секунды. Это не может не отразиться вообще на стиле нашего поведения и вне завода, средства сообщения. Вместо неудобных, тесных автобусов и троллейбусов появится что-то изящное, комфортабельное, молниеносное, о чем уже сегодня пишут многие фантасты. Вместо улиц, как горловины, улиц — широкие и свободные кварталы-парки... И, как говорят некоторые мои друзья (в этом я, однако, сомневаюсь), у человека будет столько свободного — от основного дела — времени, что он сможет читать не только необходимые ему труды, но и изящную словесность. Так будет когда-нибудь...

Но мечтая, мы не должны отрываться от реальности. И смысл моего письма в том, чтобы мы не обижались друг на друга за внезапный шум, неожиданный толчок в плечо, за отсутствие извинения, за невольную резкость, за непроизвольную невежливость. Мой товарищ однажды эту грубость назвал «грубостью одержимых и добрых людей». По-моему, отличная формула!

В. ГОРЛОВ

МОСКВА

ЧЕЛОВЕК В УЛИЧНОЙ ТОЛПЕ

Семь часов моей заводской жизни заряжают меня на целые сутки.

Но глубоко ошибается тот, кто подумает, будто бы я пытаюсь условиями современного труда оправдать хамство. Ритм ритмом, но все равно мужчина должен уступать женщине место, молодой человек, выходя из троллейбуса, подавать девушке руку... Только не будем, товарищи, впадать в крайности!

Не нужно требовать от человека невозможного. Что я имею в виду? (Прошу извинить за то, что пишу сумбурно и отвлекаюсь то и дело от основной темы.) Например, недавно в узком товарищеском кругу сотрудников конструкторского бюро меня пытались критиковать за то, что я не читаю, вернее, мало читаю художественную литературу. Тогда я, ни слова не говоря, сел за стол, выдернул листок из блокнота и начертал на нем пятнадцать названий капитальных книг по электронике, которые осилил за последние два года. Мои оппоненты стыдливо опустили глаза... Я человек не «худлита», а кино. Я уверен, что будет время, когда именно кино станет мощным посредником между литературой и широким читателем. Любая хорошая книга, роман, повесть должны быть экранизированы...

Я, конечно, не сомневаюсь, что будет время, когда совсем другими станут и наши города, и средства сообщения. Вместо неудобных, тесных автобусов и троллейбусов появится что-то изящное, комфортабельное, молниеносное, о чем уже сегодня пишут многие фантасты. Вместо улиц, как горловины, улиц — широкие и свободные кварталы-парки... И, как говорят некоторые мои друзья (в этом я, однако, сомневаюсь), у человека будет столько свободного — от основного дела — времени, что он сможет читать не только необходимые ему труды, но и изящную словесность. Так будет когда-нибудь...

Но мечтая, мы не должны отрываться от реальности. И смысл моего письма в том, чтобы мы не обижались друг на друга за внезапный шум, неожиданный толчок в плечо, за отсутствие извинения, за невольную резкость, за непроизвольную невежливость. Мой товарищ однажды эту грубость назвал «грубостью одержимых и добрых людей». По-моему, отличная формула!

В. ГОРЛОВ

МОСКВА

ПРОГУЛКА

Длительная болезнь глаз наконец докопала мое зрение. Я вынужден был оставить институт, где работал преподавателем почти 20 лет, и стал пенсионером.

Как всегда утром, жена заботливо приготовила все, что мне может понадобиться. Уходя на работу, сказала: «Без меня никуда не ходи, я вернусь, и тогда погуляем». Жена ушла, а я написал письмо и решил самостоятельно опустить его в ящик и заодно прогуляться, впервые без проводника.

Медленно сошел с лестницы и вышел во двор. Миновав подворотню, я вынул из кармана конверт. Приближались, постукивая по асфальту, каблучки. Две девушки нагнали меня. Я приподнял руну с тростью: «Девушки, можно вас на минуту?» Девушки весело откликнулись: «А чего вам?» «Посмотрите, пожалуйста, правильно написан адрес?» «Ой, некогда, дяденька, опаздываем!» — и, прыснув, убежали.

Возле меня ломающийся басок подростка произнес: «Давайте я посмотрю». Он взял конверт, прочел адрес и добавил: «Дойдет, разберутся». И уже не обращая внимания, как я шарил по стене в поисках ящика, засвистел и пошел своей дорогой.

Успешно опустив письмо, я воодушевился и решил, что смогу выполнить еще одно дело, а именно съездить в аптеку за глазными каплями. Я двинулся к остановке троллейбуса, но тут же уперся в фонарный столб. «Осторожнее, Николай Николаевич!» — услышал знакомый голос слесаря из нашего домоуправления. Он крепко взял меня под руку и, энергично подхватив меня под локоть, ввел в троллейбус, а кто-то мускулистой рукой втянул меня внутрь вагона. В троллейбусе было душно и тесно. Я невольно прижал тростью колено гражданина, сидевшего и читавшего газету, и он раздраженно сказал: «И чего лезете в самую давку. Кому, кому, а вам времени хватит подождать». В ту же минуту я услышал, как юношеский голос смущенно, будто оправдывая свою вежливость, произнес: «Садитесь, мне все равно сейчас выходить». На конечной остановке я вышел из троллейбуса последним и беспомощно стал озираться. Я помнил, что аптека рядом с остановкой, но сбился с направления.

Послышалось шуршанье метлы по асфальту. Оно приблизилось ко мне и затихло. Спокойный голос пожилого человека произнес: «Вам нужно в аптеку? Идемте, здесь два шага». Он подвел меня к большим стеклянным дверям, я поблагодарил и вошел...

Когда я вышел из аптеки, добрый человек вновь подошел ко мне и, похлопав ладонью по скамье, сказал: «Садитесь сюда, подойдет троллейбус, я вас посажу». За несколько минут ожидания я узнал, что мой собеседник до войны жил в Ленинграде, ушел на фронт, оставив молодую жену и годовалую дочку. Жена погибла в блокаду, дочку эвакуировали с детдомом. После войны нашел дочь, поселились в Москве и по инвалидности он устроился на работу дворником. Дочь уже окончила биофак МГУ и оставлена в аспирантуре. Подкатил троллейбус. На прощание я крикнул моему новому другу: «Всего вам доброго, привет вашей дочке».

Когда я вышел из троллейбуса, предстояло справиться еще с одной и последней трудной задачей. Надо было перейти улицу у моего дома. Судя по усиленному шарканью ног, рабочий день окончился и люди устремились к своим вечерним делам и занятиям.

Я отошел к краю тротуара и остановился, не решаясь перейти улицу. Вдруг объемистый портфель врезался в мое колено, и зычный бас прогремел: «Нашел где встать, разиня!» Не успел я опомниться, как уже издали этот бас вопил: «Алло, такси, алло!» Вероятно, лицо мое побледнело и дрогнуло от обиды, так как немедленно участливый женский голос осведомился: «Вам не плохо? Может, вам дать валидол?». «Нет, нет, — поспешил я ответить. — Спасибо. Я чувствую себя хорошо. Вот только не могу один перейти улицу». Милая женщина предложила мне взять ее под руку и из деликатности придумала: «Мне тоже надо на ту сторону в магазин». Так было преодолено последнее препятствие. Я вновь оказался во дворе своего дома. Меня охватили кольцом три девочки, а мальчик побежал вперед и распахнул двери подъезда. Когда девочки подвели меня к лестнице, мальчик стал громко отсчитывать ступеньки и указывать дорогу: «Раз, два, три, теперь площадка. Еще раз, два, три. А тут налево». И все уже хором: «Раз, два, три», — пока не пересчитали и не прошли все одиннадцать ступенек. У двери в мою квартиру вся процессия остановилась. «Большое вам спасибо, ребятки!» — сказал я, чем вызвал замешательство. Я вошел в комнату, сел в кресло и стал делать выводы из своей маленькой прогулки...

Н. ЗОТОВ

МОСКВА

ПИСАТЕЛИ О КНИГАХ

ЧИСТОЕ СЕРДЦЕ

НЕ ТАК давно выпускникам одной из средних школ г. Горького торжественно вручали на прощальном вечере роман «Пылающий факел» как напутствие в жизнь. Имя главного героя романа Эдуарда Карловича Прамнэка хорошо известно в нашей стране. Роман издан в Латвии, авторы книги М. Зорин и И. Шулькина живут и работают в Риге, но горьковчане считают Эдуарда Прамнэка своим земляком. С его именем связано строительство Горьковского автомобильного завода и других индустриальных гигантов Волги.

Роман охватывает большой период жизни героя — его боевую молодость. Рабочий на строительстве дороги Рига—Псков, батрак, сдавший экстерном экзамен в городской школе, учитель, организатор революционной молодежи в Латвии, комиссар полка латышских красных стрелков — таковы штрихи этой славной биографии.

Когда я начал читать книгу, я опасался, что авторы, увлекшись динамикой событий, «изваяют» эдакую исключительную личность, украшенную чисто внешними атрибутами героики. Этого не случилось. Изображая время, в котором жил Эдуард Прамнэк, авторы убедительно раскрывают его внутренний мир, показывают его духовное возмужание. Мы как бы становимся соучастниками исторических событий, формировавших сознание героя. От первой встречи в Пскове с революционером-ленинцем Борисом Снегиревым в канун первой мировой войны до беседы с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским в 1924 году Прамнэк прошел большую, суровую школу жизни, школу бойца.

Роман «Пылающий факел» издан в дни, когда страна готовится к пятидесятилетию Великого Октября и столетию со дня рождения В. И. Ленина. Книга о славном бойце ленинской партии Эдуарде Прамнэке воскрешает множество страниц из летописи борьбы нашего народа и одну из самых ее интересных — рождение полков латышских красных стрелков, с которыми Эдуард Прамнэк прошел боевой путь.

Сергей ОСТРОВОЙ

М. Зорин и И. Шулькина. «Пылающий факел». Роман. Издательство «Лиесма». Рига.

КАК БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ?

КАК быть счастливым? О, это давно уже известно всем: будь честным с самим собой, с людьми, с природой, будь щедрым, сначала «наше», потом «мое»... Счастье — не слава, не власть, не богатство, не суета. И — странное дело! — всякий раз эта старая мысль потрясает нас новизной и свежестью.

Если ее высказывает талантливый человек.

Добрый и чистый свет исходит от новой книги Николая Старшинова. Кульминация ее — «Стихи, написанные в доме старого холостяка Адама». Дом счастливца, работавшего всю свою жизнь, садившего сады, поселившего у себя певчих птиц... Адам умер уже, и «брат хозяина или сват, а может быть, дядя свата, поставил здесь мешки не в обхват, а в два или в три обхвата». Достаточно ли этого для человека? Хотя здесь теперь «точно известен доход, и расход, все выверено весами... ветер, ворвавшись в щели, поет птичьими голосами...»

Жизнь Адама была тяжела — скитания, бедность, отвергнутая любовь. Но это была счастливая жизнь! Да, мы, живущие обеспеченно и спокойно, завидуем полной лишений жизни Адама. Адам сам знал, что он счастлив.

Н. Старшинов делает своего героя поэтом, этаким литовским Хайямом, пишущим озорные и мудрые стихи. Вот как эти:

Почти полвека я ходил в костел,
Там все коленки я протер о пол.
Я свечи жег и проповеди слушал,
Но просветленья там и не обрел.

А в дом Иисуса попал и — вот
та грех! —
Познал там неожиданный успех:
Иисуса, оказалось, славный
собеседник,
А сбутыльники — просто лучше
всех!

Кстати, стихи Адама — единственное место в книге Николая Старшинова, где полемический задор, так сказать, лежит на поверхности, прямолинеен и имеет точный адрес. Потому, что поэт полемичен внутренне.

Можно спорить, яростно обличая своего противника, язвительно высмеивая его. Можно полемизировать, широко и стремительно развивая перед слушателями свой положительный идеал. Серьезно и спокойно говорит Николай Старшинов о том, что дорого ему в жизни:

Я, как грач, хлопотлив и черен,
И, хотя зовусь москвичом,
Я в полях, что зажглись зерен,
Появляюсь с первым грачом...
Не в романе, не на экране,
Не витийствуя за столом,
Это здесь я стираю грани
Между городом и селом...

Читая книгу Старшинова, я улыбался, потому что там есть стихи, написанные с улыбкой, грустил, встречая стихи, от которых веет грустью и просветленностью. Иногда я откладывал книжку и смотрел в окно — там жила природа, жила так же, как это описано поэтом. Но я не поднимал удивленно брови над какой-нибудь эффектной рифмой, не покачивал головой над «ослепительным» образом. И, только вторично перечитывая стихи Старшинова, я увидел, как они сделаны, увидел ритмическое их разнообразие, тонкую инструментовку — словом, все то, что не бросилось в глаза при первом чтении. Подлинное мастерство в глаза не бросается.

Евг. ХРАМОВ

Николай Старшинов. «Протона». Стихи. «Советский писатель», М. 1966.

ПРОПОВЕДУЮ БРАТСТВО

...Но помни о чужой невзгоде! —
Твоя — и так —
всегда твоя...
...Ты выслушай иное мненье! —
Твое — и так —
всегда твое.

Это строки из стихотворения, открывающего сборник молодого грузинского поэта Мориса Поцхишвили «Колесница». В сборнике разные стихи — одни сильнее, другие слабее, как это обычно бывает, но нет в нем эклектичности, нет, на мой взгляд, случайных стихов. Сборник цельный, один характер — личность автора — раскрывается во всех стихах и связывает их между собой: поэт раздумывает над человеческой природой, над взаимоотношениями людей, радуется, волнуется, любит — и во всех своих проявлениях остается самим собой. Основное в нем — активная доброжелательность, отзывчивость, а не самопоглощенность, что порой преобладает в лирике. Призыв выслушать «иное мненье» у него не случаен, не назидателен, звучит эмоционально, убедительно, проходя сквозь всю книгу, как он прошел и сквозь сердце поэта. «Сколько помню себя — проповедую братство!» — на этот камертон настроены все стихи, вошедшие в сборник. Назначение свое поэт видит в том, чтобы пригодиться людям—стать для них светом, либо убежищем, либо мостом, соединяющим берега.

Нам, сообщникам добра,
Нет веселья и покоя,
Если где-то у двора
Горе корчится людское.

Душевная щедрость, убеждающая в своей неподдельности, — не декларация, не декламация — звучит и в стихах о непрерывности жизни, и в стихах об огне, подкупающих если не новизной темы, то своей человечностью.

Превыше всего для поэта — счастье людей. Стихи об этом заключают книгу:

Луна разбилась, как нувшини,
Но если к счастью,
То — пускай!..
Эй, сердце, пой!
Не уставай!
А разобьешься —
Не беда!
Ведь если к счастью,
То — пускай!

Мысль его и чувства направлены на постоянные поиски правды, смысла жизни, путей для преодоления ее трудностей, сложностей, встречающихся повсеместно. Он говорит о столкновении подчас суровой и заземленной реальности с мечтой, которую нельзя отрицать и красота которой должна стать высшей реальностью... Поэт напряженно раздумывает о диалектике души и жизни, о противоречиях времени, о «колеснице жизни», о том, что мы «стремимся и остановиться, и дальше двигаться спешим...»

Обо всем этом я сужу, познакомившись со стихами М. Поцхишвили в русском переводе. Сборник целиком переведен московским поэтом Владимиром Сергеевым, которому, как мне кажется, удалось передать и непосредственное волнение подлинника, и интонационное, и лексическое, и ритмическое своеобразие его — одним словом, удалось раскрыть перед русским читателем индивидуальность грузинского поэта.

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Морис Поцхишвили. «Колесница». Стихи. Перевод с грузинского Вл. Сергеева. «Литература да хеловнеба», Тбилиси.

ФАНТАСТИКА И ФИЛОСОФИЯ

ПИСАТЕЛЬ-фантаст Геннадий Гор вместе со своими героями срывает с привычных представлений стершиеся ярлыки обыденности. В размышлениях и действиях герои его выступают против бездумной веры в «бесспорные» истины. Чем глубже постигаешь мир, тем больше возникает сложностей.

Повести Г. Гора открывают перспективу радости — радости познания тайн природы и загадок бытия. Они утверждают веру в бессмертие творческого разума, способного соединить мгновение с вечностью, преодолеть бездны времени и расстояний. Труднейшие проблемы неожиданно повертываются новыми гранями, отвлеченные понятия облекаются в художественные образы.

Г. Гор возродил в фантастике жанр философской повести. Это не значит, что он выступает в несвойственной писателю роли философа и ученого. Он пишет не трактаты, а художественные произведения, но покоряет не фабулой, а поэзией мысли.

Гор — сторонник антропоцентрических представлений. Он сознательно не допускает возможности существования иных биологических форм высокоразумной жизни лишь по той причине, что антропоцентризм больше устраивает его как художника. Ведь планета Дильнея и дильнейцы в его повестях—псевдонимы Земли и людей, перенесенных в далекое будущее — в эпоху всепланетного коммунизма.

Глубоко проникновенны и интересны суждения автора относительно этических норм и эстетики людей, живущих в условиях, максимально благоприятных для раскрытия всех творческих возможностей личности. Основные герои повестей — в первую очередь смелые мыслители и экспериментаторы. Наделенные высоким интеллектом, они позволяют ввести читателя в философскую проблематику современных наук. Новые победы над силами природы открывают новые возможности для совершенствования самого человека.

В отличие от некоторых писателей-фантастов, Г. Гор меньше всего увлечен обоснованием научных и технических гипотез. Совершенный робот Эрудит, робот-водитель Кик, занимающий среднее положение между существом и вещью, и аппарат, фиксирующий чувства насекомых, и электронный дубликат дильнейской женщины Эрои — все эти сложнейшие кибернетические устройства рассматриваются не столько в плане конкретных, пусть даже и очень далеких перспектив науки, сколько в философском и моральном аспектах, с точки зрения влияния всех этих думающих и чувствующих машин на их создателя — человека. Как воздействует наука на внутренний мир и склонности людей — вот актуальная проблема, которую ставит и пытается решить Г. Гор, принимая за исходное коммунистическую этику будущего.

Повествовательная манера Гора такова, что события служат только поводом для философских раздумий, которые неотделимы от самого замысла. И вместе с тем, как это ни парадоксально, повесть местами кажется даже перегруженной сюжетными коллизиями. Автор настолько лаконичен, изложение до такой степени насыщено, что это его достоинство превращается иногда в недостаток. Каждую из сюжетных линий при желании можно было бы развернуть в самостоятельное произведение.

И если все они имеют под собой логическое и научное (в фантастическом плане) обоснование, то вставная новелла о Планете сюрпризов воспринимается как фантасмагория в духе новелл Рэя Бредбери и отчасти «Соляриса» Лема.

Тунявский — персонаж второй повести «Электронный Мельмот», составляющей дилогию со «Скитальцем Ларвефом». В ней получают неожиданное объяснение многие события, изображенные в заглавном произведении. Здесь раскрывается странная судьба Николая Ларионова, человека, потерявшего память и затем наделенного сознанием и духовным миром Ларвефа, героя фантастического романа Тунявского. Но даже и при такой правдоподобной мотивировке автор не считает нужным ставить точки над «и», предоставляя читателю право на домысел и самостоятельные суждения.

Евг. БРАНДИС

Геннадий Гор. «Скиталец Ларвеф». Научно-фантастические повести. «Советский писатель», М.—Л. 1966.

КРАСНЫЕ КОНИ

В РАССКАЗЕ Иона Друцэ «Следы» мальчик спрашивает:

«— Папа, а лошади красные бывают?

— Нет.

— А у меня только красный карандаш».

Папа молчит. Ему невдомек, что бывают и красные лошади. Он не слышал о знаменитом коне Нетрова-Водкина, о цветовых смещениях у Сарьяна, да и вообще не думал над законами искусства. А Друцэ думал. И подчас брал в руки только красный карандаш.

Друцэ пишет о молдавских крестьянах. Жизнь их облекается в одежды трудной повседневности, скромного традиционного быта. Так же традиционны и просты ситуации его вещей, даже когда они трагичны.

Войны уводят сыновей, голосят матери. Огонек любви гасит разлука, и двое расходятся. Умирает мечта об идеальном творении («Что же делать, если обманула та мечта, как всякая мечта...»). Друцэ не хочет скрывать ничего. Девочка Русанда прячет спички за зеркало—вдруг придет ее милый, захочет свернуть цигарку, а мать пожалеет ему спичку. Маленький мальчик греет руки в кармане у сестренки — у них на двоих одна пара варежек. Каждая деталь, каждая краска в прозе Друцэ точна, почти протокольна. Но вдруг нелегкую повседневность оборвет крик петуха, и обернется он библейской птицей, которая позовет героя вдаль. Вдруг в шепоте орешника послышится вещий голос, и мечта понесет мальчишку в разодранной рубашке на трон в некое царство. И заговорят деревья. И взмахнет крыльями фантазия. И начнет творить свое чудо поэзия.

Неприхотлив и труден быт героев Друцэ. И все же пишет он о том, как ошеломляюще волшебна жизнь. Как тревожно прекрасна мечта, даже если она несбыточна. Даже если нельзя сделать сани, какие пригрезились, как немыслимо трудно дать глине, словам, музыке те очертания, которые задумал. И когда Друцэ упоен, когда манит его несбыточная красота, тогда он обращается к поэтическому иносказанию.

Как всякий талантливый художник, Друцэ знает, что самое невероятное в жизни порой выглядит самым правдоподобным в искусстве. Красные кони, говорящие вороны, оживающие предметы могут стать более достоверными, чем словесная фотография.

Критика не обижала Друцэ невниманием. При этом одни ценители и истолкователи считали его прозу чересчур условной, другие — чересчур натуралистической... Однако, мне кажется (и это относится уже не только к Друцэ), многие из тех, кто спорит сегодня о природе реализма, видят разрушение реалистической формы там, где художник просто воспринимает элементы фольклора. Общеизвестно, к примеру, что знаменитое полотно Петрова-Водкина восходит к старорусской иконе. Десятки икон воспроизводят красных коней. И так же сдерживает их под уздцы седок. И те же законы перспективы диктуют мастеру композицию и целостность живописной плоскости. А сколько лет ходил Петров-Водкин в формалистах!

Помимо будоражащего воздействия красного, который всегда воспринимается как вызов и бунт, живописец знает закон «дополнительных» цветов. Зеленый фон в любом предмете выявляет составное красное. Не случайно зеленый и красный наиболее любимые в народе краски.

Поэтические иносказания Друцэ — это его «дополнительные» цвета. Они существуют в прозе, чтобы обыденная неприглядность окружающего оттеняла высшую правду его поэтических образов.

Поэтому истории, сочиненные Друцэ, подобны сказам.

«Ткала ковер Русанда...

И снует, и бегает, и свищет челнок, но песен уже не заводит. Да и какое тут, господи, пение!..»

Так начинается повесть «Листья грусти».

А вот «Падурянка», один из лучших рассказов Друцэ.

«Собственно, что такое большое село? Пятьсот дворов достаточно? Ну, если пятьсот дворов достаточно, то Кумпэна Веке по-настоящему большое село, так как насчитывает оно тысячу дворов с лишком. А сколько там этого лишку — один бог знает. Над этим бились до седины уже четыре секретаря в сельсовете — теперь и у пятого проседь, хотя парень он еще молодой».

Сила и тембр звука вначале обычно определяют тональность всей вещи. Коли история добрая, то и внешность героев хороша: парень будет высок, плечист, трудолюбив, девушка — стройна, черноока, длинноса. Если вы хотите познакомиться с ними или узнать историю их любви, пойдите поутру к колодцу, там вы сами все увидите. Законы сказки создают эту систему отсчета, и то, что у Друцэ кажется естественно и органично, у другого, может быть, выглядело бы нарочито-условно, казалось лубочной красивостью. Естественно, когда орешник учит мальчишку воевать с соседским царем и выбирать себе в жены первую красавицу. Естественны мысли старика, когда он хочет сделать сани, «чтобы сохли они по дороге, а дорога сохла бы по ним».

Если художник однообразен по цвету, он потом скажет, что у него был только один карандаш. Не верьте ему. Он лукавит. Он рисовал одним карандашом потому, что ему нужен был только один. Метафоры и иносказания Друцэ—всегда преувеличения, всегда стремление выделить одно за счет другого. Чтобы передать горе падурянки, он заставляет ее голосить даже тогда, когда повод для этого отпадает. Если девушка привлекательна, то все сбудется в ее жизни, и гадание ее удастся—две капли воска, упавшие со свечи, обязательно сойдутся в кружащейся воде. А уж коли поссорятся два упрямых молдаванина на дороге, то будут спорить до расчета.

«То снова восемь ног сверкает в его блестящем животе». Николай Заболоцкий увидел всемь ног у бегущего коня. Движение передано множеством. Неправда? Условность? Да, условность художественного обобщения. И поэтические преувеличения Друцэ — не антидостоверность, а высшая достоверность вымысла. В своих поисках Друцэ больше идет от Гоголя с его «Вечерами на хуторе...» и от русской поэзии, чем от Чехова, которого так часто ему приписывают. Психологизм как способ исследования характера—не частый гость в прозе Друцэ. Психология — это движение, развитие, противоречия. А Друцэ тяготеет к статичности живописи. Он описывает различные психологические моменты, в которые мы застаем героев, но не мосты между этими моментами. Он исследователь состояний, а не процесса. Особенно явственно это ощущаешь, читая «Последний месяц осени» — лучшее, на мой взгляд, что написал Друцэ (как и пьеса «Каса маре», невключенная в этот сборник).

Старик отец задумал навестить детей, давно подавшихся из родной деревни на сторону. Историю рассказывает нам автор, один из сыновей старика. Рассказчик наделен чувством юмора и мудростью, он как писатель давно уже понимает, что правда иногда на стороне каждого из спорящих. В пору гостей, когда наступает осень, едет отец к своим детям, покинувшим его. Никто не отозвался на телеграмму о болезни, кроме дочери. Традиционно сентиментальный сюжет у Друцэ лишен всякой сентиментальности. По-разному встречают отца дети, по-разному принимают. Но такими, какими мы застали каждого из сыновей, такими мы их и оставим. Ничего не изменит встреча с отцом. Иногда Друцэ намекнет на историю их взаимоотношений, трудных, порой несправедливых, но никогда не обнаружит их в действии. Перед нами, как в картинной галерее, проходят пять портретов — отца и четырех сыновей. Проза как бы остановилась, приняв форму живописи. Мы увидели остановленные кадры на движущейся ленте жизни. Эти кадры ярки и самобытны. Они написаны художником, который знает, что элементарность в искусстве всегда оборачивается банальностью.

Бывают ли красные кони? Бывают! Нужно только знать, когда использовать красный карандаш.

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

Ион Друцэ. «Листья грусти». Повесть и рассказы. Перевод с молдавского. Изд-во «Художественная литература».

Из лирических тетрадей

Давид КУГУЛЬТИНОВ

***

Когда человек в больнице, —
Он думает: весь мир болен.
Когда человек в темнице, —
Он думает: мир — в неволе.
Когда человек доволен, —
Он думает: мир доволен...
Пускай над тобою тучи,—
Ты вспомни: есть солнце где-то.
Пусть мчится мороз трескучий, —
Ты вспомни, что где-то — лето.
Мирка преступи препоны,
И мир познаешь безбрежный.

***

Мужчин сухой, рассудочный
расчет,
Ошибки исключив и милосердье,
Он верным — будто бы! — путем
ведет...
Но почему ж
иные
перед смертью
Вдруг понимают — цель была не
та,
И позади зияет пустота?..
А женщина?! О, нежность!
О, сама
Неправильность, изменчивость,
напевность!..
Ты только сердцем делаешь,
открытым,
Являя этим глубину ума.
Вся жизнь твоя, подвластная
минуте, —
Не красота ль в ее бессмертной
сути?..

Перевела с калмыцкого Юлия НЕЙМАН

Фестиваль завершен

Первый Всесоюзный фестиваль телевизионных фильмов, посвященный 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, завершен. Киевляне тепло приветствовали победителей.

Большой приз фестиваля присужден четырехсерийному фильму «Вызываем огонь на себя». Приз Киева вручен Тбилисской телестудии за картину «Свадьба». Лучшим полнометражным документальным фильмом признана работа ленинградцев — «Солдаты Отчизны», а свердловчане создали лучшую короткометражную ленту «Нарулла Базетов». Отмечена актерская работа Николая Крючкова в телефильме «Гнезда». Многие картины награждены дипломами союзов кинематографистов СССР и УССР, Союза журналистов СССР.

Фестиваль стал хорошей школой для творческих работников всех телестудий страны. В дальнейшем он будет традиционным.

Кадр из фильма «Вызываем огонь на себя».

К 200-летию Н. М. КАРАМЗИНА

Рисунки П. Бунина к историческим сочинениям Н. М. Карамзина.

фельетон

Я СКАЗАЛ ТЕБЕ НЕ ТЕ СЛОВА...

Виктор ОРЛОВ

МАЯКОВСКИЙ уверял, что знает силу слов и знает слов нават. Он утверждал далее, что есть слова, от которых срываются гроба шагать четверкою своих дубовых ножек.

В школе это категорическое утверждение проходят к прорабатывают как типичный пример мастерской поэтической гиперболы.

Однако есть люди, уверенные, что гроба передвигаются именно при помощи слов. И очень боятся этого передвижения. Одного такого человека я недавно видел. Это была милая женщина, редактор на радио. Она звонила поэту и просила выкинуть из песни слово «палач». Она ужасалась: как может вообще быть в песне такое слово? Ведь песня должна прозвучать в популярной передаче!

Милая женщина, естественно, читала и книги, и газеты, и вообще была образованным человеком. Но, приходя на эту свою популярную передачу, она вроде бы начисто забывала обо всем. О книгах, о газетах, о людских действиях и о палачах. Там для нее существовали, как объективная реальность, только трель, апрель, капель и — малость свежей утренней любви. Самая малость. Во всем же остальном редакторше мерещились гроба. Их двигали слова, написанные разными безответственными поэтами.

Вот как надо верить в силу слов, читатель, вот как надо их бояться!

Так, стало быть, обстоит дело с мрачными палачами. Однако и веселье не всегда поощряется. При мне же иное мудначальство насмерть стояло против простенькой песенной строчки «Веселая планета Земля». На полном серьезе начальство объясняло, что не может быть планета целиком и полностью веселой, покуда еще не стабилизировалось положение в республике Конго (Киншаса). Это не анекдот — это факт. Могу и фамилии привести. «Веселую планету» выкинули. Испортил песню человек, заменив ударную строку какой-то казенщиной. Композитор в слезах уехал домой на такси. Поэт шел пешком. Планета и впрямь казалась ему уже не такой веселой..

Слова скромны. Мы не касаемся сейчас слов высоких и неприкосновенных. И не о них, как видите, речь и спор. Речь и спор о словах простых. Они, как правило, не обладают такой уж гробовой, загробной и иной силой. Но слова бывают выношены. Каждое слово для пишущего и сочиняющего — крохотное дитя. Этакий любимый малец, что сучит ножками и требует внимания. И нужно поистине спокойствие этакого Ирода на зарплате, чтобы тут же распять его острым пером авторучки. Причем—зачем распять-то? Затем, чтобы вместо веселого слова-ребятенка на вас пучилось постное рыльце отглагольного существительного или иного слова-служаки. Недавно при мне один отраслево-промысловый редактор прямо-таки с ревом бросился на выражение «печальный запах земли».

— Это как же понять? — торжествовал он. — По-вашему, и веселый запах тоже бывает? Абстракционизм это!

И заменил «печальный запах», знаете, на что? На «душистый запах».

Я затронул эту, может быть, частную тему редакторских развлечений вот зачем. Затем, что в наших недоумениях и огорчениях по поводу суконных текстов и шутейных песенок, звучащих в эстрады, по радио и в иных местах, увы, очень повинны и редакторы. Не те редакторы, которых мы любим, не мудрые отцы-наставники, помогающие прояснить мысль и вымести шелуху, а именно проды местного значения, шарахающиеся от человеческого слова, как от погибели.

Борьба со словом есть борьба за спокойствие. Свое, сонное, персональное — и ничье другое. Ну, не будет в песнях палачей. И веселых планет не будет. Будут такие, скажем, интеллектуальные открытия:

Пой задорные песни,
В вихре вальса кружись!
До чего ж интересно,
Замечательно жить!

Вы что думаете — после таких строчек жить становится замечательно? Вряд ли. Безвкусица гнетет.

Ведь даже наши потусторонние рекламные тексты, поди, поначалу были и нормальными, и человечными. Не может же человек мыслить в духе и стиле арифмометра! Я подозреваю, что много редакторов-чистильщиков потрудилось, прежде чем появилась такая, скажем, реклама: «Панировочные сухари — лучшее средство для панировки».

Борьба с авторским словом комична потому, что в ней нет и намека на настоящую борьбу за мысль и за идею. Вы думаете, человек, заменяющий «забытое» на «далекое», а «далекое» на «заветное», мыслит? Вряд ли. Если и мыслит, то не активней бульдозера, чья высокая миссия — заравнивать мелкие бугорки. Литературный текст представляется такому мыслителю в виде гладкой бетонной полосы, по которой на дозволенной скорости мчатся обтекаемые чувства и эмоции, нигде не задерживаясь и никому не сигналя.

Я говорю о радио, я говорю об эстраде, я говорю о «малых формах» потому, что именно там злокачественное словоборчество возведено в ранг доблести и чести. Скажем, литератор-романист отобьется. Покроет неразумного редактора океанским басом и уйдет в конкурирующее издательство. Но ходят вокруг эстрады и радио бледные юноши в мохеровых сухумских шарфах. Мечтают об искусстве восторженно и непрофессионально. С почти неприличным обожанием смотрят на редакторов в шарфах «Mohair made in London». Ну что им, восторженным, стоит поступиться и вписать «синий вечер» или «курносую девчонку»! Наверное, так нужно. Специфика, наверное, требует. И снова мы чертыхаемся, слыша по радио о том, что луна влюблена. Шарахаемся от виршей насчет раздолья пополам с привольем. Тоскуем на эстрадных программах, где свежие шутки путем ловкости редакторских рук заменены таранными выпадами против управдома...

А ведь поначалу все они, пишущие и сочиняющие, мечтали об одном: чтобы со словом обращались бережно. Ну хотя бы так же бережно, как с электролампочкой или диетическим яйцом. А ведь печатное слово, даже по отзывам бухгалтерии, ценится чуть-чуть дороже диетического яйца!

Но пока бережности не видно. Пока я видел только одну симпатичную певицу, которая подошла к поэту и попросила:

— Можно я в вашей песне вместо «я ушел» буду петь «я ушла»?

Поэт привычно ощетинился:

— Это еще почему?

— Потому что я — женщина, — опустив глаза, объяснила певица.— Понимаете, я не могу «ушел». Я могу только «ушла». Понимаете?

Поэт туманно оглядел ее и пробормотал:

— Ну что ж. Валяйте. Уходите. То есть, простите... всего хорошего.

Но то была юная певица с ее трепетным еще отношением и израненному слову. Другие не трепещут. Отнюдь. Не моргнув, они превращают мужчину в женщину и наоборот. Слово, выношенное и выстраданное, ломается. И смотрит на эти сокрушительные процессы графоман и радуется. Писать-то, оказывается, легко!

Нет, я не выступаю чохом против редактуры. Строгий, умный, редактор-помощник нужен каждому пишущему и сочиняющему. Таких много. Таких помнят годами как лучших друзей. Но, как говорится, есть маленькое «но». Маленькое «но» сидит за большим столом и ворчит:

— «С первыми весенними лучами...» Ха! При чем здесь лучи? Пишите — в соответствии с графиком!

— «Звезда с звездою говорит...» Это как, простите, понять?

— А кто этот Фавн? Ваш знакомый, что ли?

А впрочем — что говорить... Все мы люди, все человеки. Я тоже в детстве считал, что «мойдодыр» — ругательство. И очень плакал, когда слышал это коварное слово.

Правда, я не был тогда редактором.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 147 13 декабря 1966 г. 3 стр.

перископ

Сотни юношей и девушек из университетского городка в Беркли (штат Калифорния) участвовали в митинге протеста против создания в университете пункта по вербовке студентов в военно-морские силы. Вмешалась полиция, арестовавшая десять человек. Студенты ответили недельным бойкотом занятий. Борьба продолжается...

В ФРГ сформирован новый кабинет во главе с канцлером Кизингером, который здесь сфотографирован между двумя бывшими канцлерами — Аденауэром и Эрхардом. Означает ли этот снимок символическую преемственность политики, покажет, как говорится, будущее.

Даже полицейские с молчаливым одобрением наблюдают за демонстрацией жителей Парижа перед зданием западногерманского посольства: парижане выражают свой протест против возрождения неофашистской национал - демократической партии в ФРГ.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций У Тан переизбран на второй срок. Генеральная Ассамблея ООН приветствует это сообщение горячими овациями.

Шесть месяцев провел этот мужественный человек — французский спелеолог Жан-Пьер Марата под землей на глубине 70 метров. Он сильно ослабел за это время, глаза его отвыкли от дневного света, и ему придется еще долгое время находиться под наблюдением врачей, прежде чем мы услышим его рассказ о «подземном царстве».

«Граната, винтовка, револьвер, штык...» — первые английские слова, которым американский сержант-педагог считает необходимым научить южновьетнамцев.

Уровень реки Тибр неуклонно поднимается. Загрязненные, бурлящие воды угрожают наводнением «вечному городу». Из римского предместья Прима Порта эвакуированы все жители.

26-летняя Мадлена Софи Канза-Лихау — первая женщина-министр в Африке. Вы видите ее в тот момент, когда она приносит присягу при вступлении в должность министра по социальным делам Конго (Киншаса).

Как соблюсти моду на сверхкороткие юбки во время зимних холодов? Лондонский модельер Сидней Мэссин уже решил эту проблему: его «мини-юбка» выполнена из того же меха, что и пальто. Остается лишь добавить, что эта модель — не самый дешевый способ уберечься от холода: ее цена 1 050 долларов!

Молодые люди в юбках — уроженцы Рима. Они прибыли в Мюнхен на конкурс моделей одежды с намерением покорить мюнхенских жителей. Их, возможно, вдохновил пример древних предков, которые, как известно, завоевывали мир почти в таких же одеяниях.

Американские ученые предложили новый проект решения проблемы перенаселенности городов: стоэтажные жилые дома, каждый из которых должен вместить 250 тысяч человек.

Нищета, безнадежность, одиночество стали причиной еще одной американской трагедии: эта жительница Нью-Йорка выбросилась из окна пятого этажа с ребенком на руках. По данным официальной статистики, в Соединенных Штатах ежегодно один из каждых 100 человек пытается покончить жизнь самоубийством.

ТОТ САМЫЙ ДОКТОР СПОК...

К кому обращает свой умоляющий взор молодая американская мать, если с ее ребенком неожиданно стряслась неприятность? К верному, испытанному другу. К доктору Бенджамену Споку. Она внимательно листает его знаменитую книгу «Уход за детьми и младенцами». И если не произошло чего-нибудь действительно серьезного, то она легко найдет сугубо практические советы под рубрикой: «Нос. Удаление из него посторонних предметов» или «Картошка. Что делать, если ребенок ею подавился». В миллионах американских семей 526 страниц этой книги не раз возвращали жизнь в нормальную колею. Медицинская помощь, даже в виде квалифицированной консультации, в Америке очень дорога. Поэтому книга доктора Спока — подлинный клад, якорь спасения для миллионов американских матерей. Первым изданием книга вышла в 1946 году, когда в Америке бушевал послевоенный «детский бум». С тех пор она издана на 29 языках (19 миллионов экземпляров), уступая по тиражу лишь библии и Шекспиру. Однако в последнее время о докторе Споке заговорили не только как о маге и чародее педиатрии..

Сегодня мы печатаем статью Вл. Морева, подготовленную Агентством печати Новости специально для «Литературной газеты».

Бенджамен Спок

Вл. МОРЕВ

ЧЕЛОВЕК с добродушным лицом заботливого дедушки, высокий и стройный, отличный конькобежец, олимпийский экс-чемпион по гребле доктор Спок был в общем-то мало известен за пределами Америки. Но постучи он в любую американскую дверь, его встретят там как старого доброго друга.

Примерно до начала 60-х годов в Америке толком не представляли себе, что думает этот большой гуманист о важных проблемах современности. Боссы американской прессы считали: Спок — не сенсация. Вот когда великосветская блудница потрясает перед носом журналистов огромным бриллиантом, полученным в оплату ее интимных услуг какому-нибудь феодальному властителю, прибывшему в Америку, — это сенсация. Дегенерат, зарезавший восемь молодых женщин кряду и заслуживающий позорной безвестности, идиотски ухмыляется в объектив фотокамеры. Его подают под большими, кричащими заголовками. Дежурный муж богатой бездельницы получил отставку? Это не сенсация, но всем интересно. А взвешенные суждения, продуманные мнения человека, знающего, как трудно вырастить из крохотного крикуна человека и как легко его уничтожить, — это князей прессы не интересует.

Положение коренным образом изменилось во времена президентских выборов 1960 года. Молодые руководители кампании за избрание Джона Ф. Кеннеди президентом решили, что с помощью доктора Спока можно проложить путь к избирательницам-матерям.

Никто не мог бы подсчитать, сколько голосов принес тогда демократической партии доктор Спок. Но знатоки утверждают: прибавление было ощутимым.

На следующих выборах, в 1964 году, кандидат в президенты от демократической партии Джонсон на всех перекрестках обещал не идти на риск большой войны. На все корки клял и корил безрассудство Голдуотера. Спок поддержал его кандидатуру. Выступал за Джонсона на митингах, по радио и телевидению. В порыве благодарности Джонсон позвонил доктору и сказал ему, как «глубоко признателен» он за поддержку и как надеется «быть достойным его доверия».

После выборов доктор Спок попытался добиться у президента приема, чтобы побеседовать с ним о проблеме сохранения мира. «Все, что я получил в ответ, — говорит он, — это письмо от Макджорджа Банди (в то время — помощника президента. — В. М.). В нем говорилось, что президент очень занят и что моя позиция неправильна».

В ЧЕМ ЖЕ состоит позиция доктора Спока?

В том, что и в ядерный век надо думать о детях.

В свое время врач-гуманист выступал за запрещение ядерных испытаний. Он вошел в так называемый «Комитет за разумную ядерную политику».

Комитет занимает далеко не решительную позицию во многих вопросах. К примеру, он не отвергает начисто грязную войну во Вьетнаме. Он лишь требует переговоров с Национальным фронтом освобождения. Комитет выступает за то, что он считает разумным подходом к проблемам, угрожающим человечеству в ядерный век. Возможно, он действительно служит неким бугорком, замедляющим сползание Америки к большой войне.

К своему хлопотному посту сопредседателя этого комитета доктор Спок относится со всей серьезностью. На свои деньги разъезжает по городам и весям Америки. Дает интервью по радио и телевидению. Выступает с лекциями. «Люди собираются послушать о младенцах, — пишет журнал «Сатердиивнинг пост», — а уходят, наслушавшись о деле мира».

О вьетнамской авантюре Пентагона доктор говорит без обиняков: «В военном отношении война во Вьетнаме безнадежна, в моральном — несправедлива, в политическом — пагубна. Война во Вьетнаме очень опасна для Соединенных Штатов».

Нет, отвечает своим критикам Бенджамен Спок, я не трус и не пацифист. Я за отпор агрессии. Но в том-то и дело, что «во Вьетнаме мы, США, не противостоим агрессии. Мы, — говорит Спок, — спровоцировали войну, пытаясь установить сферу своего влияния на другой стороне земного шара».

Честная позиция доктора Спока вызвала бурю. Нашлись люди, бросившие ему крикливые обвинения. Кое-кто из матерей (не из тех ли, у кого нет сыновей?) написали ему, что «разорвали его книгу в клочья». Находятся люди, требующие (пока безуспешно) исключить доктора из всемогущей Американской медицинской ассоциации. Его объявляют не специалистом, а лишь популяризатором. А профессор раннего детского развития в университете «Уэстерн ризерв» в Кливленде Бенджамен Спок даже не считает себя обиженным.

Теперь уже известность доктора Спока начала приобретать политический оттенок. Это создает для него трудности. Пресса делает все, чтобы поддержать неодобрительное отношение к доктору. А может она многое. Например, сделать вид, что знаменитого врача и гуманиста не существует в природе. Не сообщать о его выступлениях в защиту мира. Не печатать его статей. Об уходе за младенцами — пожалуйста. «Никто не берет у меня статью о мире», — не без грусти замечает профессор.

И все-таки доктора Спока узнают все больше и все ближе по всей Америке. Все знают теперь, чего он хочет. А хочет он, чтобы экс-младенцы, выращенные по первым изданиям его книги, увидели не только своих сыновей, но и внуков.

Мы видели, как на авторитете доктора Спока наживали голоса профессиональные политики. Но оказывается, среди избирателей и избирательниц нашлись и такие, которые, увидев его рядом с политической знаменитостью, подумали: а не лучше ли избрать президентом самого Спока? По мнению осведомленных авторитетов, почти в каждой семье за него был бы отдан самый влиятельный, самый веский голос — голос матери.

Если верить американской прессе, уже начавшей писать о докторе Споке с некоторым беспокойством, в штате Огайо подумывают выставить его кандидатуру в сенат США на выборах 1968 года. В том году доктору Споку исполнится 67 лет. Он отличный спортсмен (зимой — коньки, летом — яхта; недавно он едва не утонул с сыном на траверзе Копенгагена). А работает он так, как умеют работать, пожалуй, только врачи.

ОБ ЭТОМ достойном уважения американце я написал потому, что недавно из газеты «Уоркер» узнал: выступая в защиту мира на митинге в Кливленде, доктор Спок огласил там поразительный человеческий документ. Текст речи доктора в газете не приведен, поэтому ту ее часть, которая касается этого документа (а он напечатан полностью), я попытаюсь воспроизвести силой собственного воображения. И да простит мне доктор, если я допущу при этом небольшие неточности:

— А сейчас, леди и джентльмены, я хочу прочитать вам одно письмо. Писем я получаю много. Пишут молодые матери и седовласые деды, юные отцы и многодетные матроны. Приходят письма и из Вьетнама. Одно из них прислал летчик. Вот оно:

«Дорогой доктор Спок!

Ваша книга помогла мне и моей жене лучше понимать наших детей и правильнее воспитывать их. Спасибо.

Но пишу я вам прежде всего потому, что хочу пожелать большой удачи в вашей работе по защите мира. Я — военный летчик, пилотирую вертолеты во Вьетнаме. Правительство хотело бы заставить вас верить, что моя работа здесь ведет к миру. Но это не так... Если здесь и нужна война, то против голода, болезней, темноты.

Дело, которое я делаю, бессмысленно и бесплодно: я доставляю людей к месту сражения — и гибели. Не хочу обременять вас изложением своего мнения об этой войне. Знаю: большинство «сверхпатриотов» назвали бы меня человеком непатриотичным, а то и похуже.

Нам нужно больше людей, считающих, что будущее человечества — в сохранении мира. Я часто думаю о своих сыновьях и знаю: недостаточно только молиться о мире. Надо играть более активную роль, работать, что-то делать ради дела мира. Здесь, на военной службе, я немногое могу сделать. Но мне хотелось, чтобы вы написали мне, как я могу помочь вам. Каждый день я вижу здесь то, к чему ведет война, и не могу не задать вопроса: почему это мы, люди, никак не поймем всю бесплодность войны?

Еще раз — доброй вам удачи.

С уважением
Джозеф С. Сэмпсон».

В зале раздались аплодисменты. Доктор Спок поднял руку — в ней был второй, нераспечатанный конверт.

— В этом конверте, леди и джентльмены, — медленно продолжал он, — ответ, который я послал мистеру Сэмпсону. Я написал ему: когда вернется из Вьетнама, его голос в борьбе за мир прозвучит убедительно, весомо. Письмо вернулось нераспечатанным. На конверте — штамп. Я прочту его: «Проверено. Адресат погиб. Вернуть отправителю».

В зале воцарилась тишина. Потом кто-то негромко произнес: «Не успел».

Нет, почему? Успел. В письме доктору Споку Джозеф Сэмпсон выразил мысль, терзающую многих американцев.

К АРЕСТАМ В КИТАЕ

В ПЕЧАТИ опубликовано сообщение о недавних арестах в Китае. Среди арестованных — бывшие заместители министра культуры КНР известный драматург и общественный деятель Се Янь и видный литературовед, один из руководителей Союза китайских писателей Линь Мо-хань, а также председатель Союза драматургов Тянь Хань.

Драматург и поэт Тянь Хань — автор текста государственного гимна КНР, один из сподвижников Лу Синя, зачинатель современной китайской драматургии. Его перу принадлежит свыше тридцати пьес. В их числе «Смерть артиста», рассказывающая о бесправном положении артистов в гоминьдановском Китае. Эта пьеса имела в свое время большой успех. Последующие пьесы Тянь Ханя — «Лунная соната о Шанхае времен нападения Японии на Китай, «Абиссинская мать» о захватнической войне итальянских фашистов в Абиссинии, «Лугоуцяо» о патриотизме китайского народа в антияпонской войне и другие всегда были насыщены социальным содержанием, отражали события сегодняшнего дня. Одна из последних его пьес «Гуань Хань-цин» — о великом драматурге Китая, творившем за три с лишним века до Шекспира. В этой пьесе Тянь Хань создал образ Гуань Хань-цина — великого гуманиста, борца за правду, патриота. На сцене Пекинского народного художественного театра пьеса Тянь Ханя имела большой успех. Она также горячо была встречена и японскими зрителями. Пьеса «Гуань Хань-цин» была издана у нас в 1959 году. Тянь Хань высоко ценил русскую литературу, любил Л. Н. Толстого, инсценировал его роман «Воскресение». Им была инсценирована также повесть Лу Синя «Подлинная история А-кью», шедшая в течение многих лет на китайской сцене. С момента основания Союза драматургов Тянь Хань — бессменный его председатель.

Судьбу Тянь Ханя разделили Се Янь и Линь Мо-хань. Первый из них, как и Тянь Хань,— сподвижник Лу Синя и драматург, его пьесы «Бациллы фашизма», «Испытание», «Под крышами Шанхая» (две последние переведены на русский язык) и другие в свое время с успехом ставились на сцене. Еще в двадцатых годах Се Янь перевел на китайский язык роман М. Горького «Мать».

Последнее время Се Яня резко критиковали в печати главным образом за фильм «Лавка Линя», сценарий которого несколько лет назад он написал по одноименному рассказу Мао Дуня.

В СТРАНЕ РОЗ И СТИХОВ

Виктор БОКОВ

ЕЖЕГОДНЫЕ встречи поэтов стали уже традицией во многих социалистических странах. Сегодня, в преддверии нашего Дня поэзии, я вспоминаю этот праздник в Болгарии.

День поэзии в Болгарии начался в этом году в Софии, под дубами Пенчо Славейкова, перенесся на его родину, в старинный городок Трявну. Нельзя без волнения вспоминать тот вечер, когда весь город, что называется, кипел от тесноты людда, запрудившего главную площадь. В наполненном до отказа городском театре тысячи глаз восторженно устремлялись на сцену. Она была тоже полна! Тут присутствовали болгарские поэты всех поколений: от «древнего» Ламара до молодого Слав Христо Караславова. Маленькая Болгария не поскупилась и на гостей. Советский Союз, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Польша, ГДР, Югославия, Италия — вот далеко не полный список стран, представлявших себя на празднике поэзии.

Как горячо принимали болгары чешскую, венгерскую, румынскую, итальянскую, польскую, русскую речь!

Поистине, праздник Дня поэзии в Болгарии превратился в праздник дружбы культур и народов.

Не менее торжественно было и закрытие праздника. Теплой и темной ночью на высокой горе в сосновом бору весь вечер звучали бессмертные стихи Пенчо Славейкова, поэта-гражданина, поэта-борца.

Как бы продолжая его пламенные строки, вспыхнул гигантский костер, над зрительным полем (я иначе не могу назвать выбранное для вечера место) то и дело рассыпались фейерверки.

После праздничных дней вернувшиеся в Софию поэты собрались в отеле «Балкан». Здесь состоялся интересный разговор о поэзии. В нем приняли участие и болгарин Любомир Левчев, которого совсем недавно мы провожали из Москвы в Софию, и Раду Боуряну из Бухареста, и Артур Сандауэр из Варшавы, и Ясна Мелвингер из Югославии, и Луиджи Фиорентино из Италии, Беда Вихар и Отто Демень из Венгрии.

Не обошлось в разговоре и без острых углов. Так, и Ярослав Смеляков, и я не могли согласиться с утверждением польского критика Сандауэра, будто «реакционная форма несет реакционное содержание».

Мы увидели в этой формулировке критику традиционной формы стиха. Пафос наших выступлений на примерах доказывал, что любая традиционная форма у каждого настоящего поэта всегда звучит по-своему и по-новому. В конце концов и ярый спорщик Артур Сандауэр пришел к такому же выводу.

Мы расставались с ним дружески, он звал нас в Варшаву.

С яркой содержательной речью выступила польская поэтесса Анна Каменская. Трудно пересказать любую речь, можно только передать ее главный смысл, в главный смысл речи Каменской был в защите здоровых нравственных начал поэзии — великой воспитательницы чувств и взглядов человека на жизнь.

Гости Болгарии совершили большое путешествие по стране, увидели чудесные болгарские города: Габрово, Тырново, Варну, Бургас, посетили Золотые пески, побывали в Пловдиве и в других городах и селах. В поездке мы продолжали разговор о поэзии — все ближе узнавали друг друга.

Мы убеждались, что всех поэтов, в том числе и болгарских, волнует современность, судьба мира. Я перевел стихотворение Слав Христо Караславова. Он пришел в город из села, и не его примере видно, как далеко шагнул в своем духовном развитии болгарский крестьянин — его кругозор расширился до разговора о вселенной, о космосе.

Самые теплые, дружеские чувства испытывали мы к болгарским поэтам и и самой Болгарии — стране тружеников и поэтов, роз, вина и стихов.

Слав Христо КАРАСЛАВОВ

Самочувствие

Старый мой пастушеский посох
Мне опять на земле пригодился,
Я не ответил на много вопросов,
Я еще досыта не находился.
В путь! Не все нам сегодня известно.
К новым орбитам и я новым открытьям!
Род мой сельский я земледельский,
Из борозды в мироздание выйдем!

Что там за тучами тихо таится?
Кто это мелким мечет мгновенно?
Древний мой разум совсем не боится
Посохом полог поднять у вселенной!
Я пасу мое звездное стадо,
По облакам, как по овцам, стегаю.
Солнце смеется: — Ты вот и надо!
Вот в чего, человек, достигаю!

Перевел с болгарского Виктор БОКОВ

ХРОНИКА

По приглашению общества культурных связей «Великобритания — Советский Союз» в Лондон вылетал главный редактор журнала «Совитиш геймланд» поэт Арон Вергелис.

Правление московской писательской организации Союза писателей РСФСР с глубокой скорбью извещает о смерти члена Союза писателей

ИЛЬИНОЙ-ВУДАНЦЕВОЙ
Веры Васильевны,

последовавшей 10 декабря с. г. после тяжелой продолжительной болезни, и выражает искреннее соболезнование родным и друзьям покойной.

Справки о похоронах по телефонам:
Д 2-09-75. Д 0-53-24.

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам

Адрес редакции и издательства: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета) Телефоны: секретариат — К 4-04-82, отделы русской литературы — В 9-90-33, искусств — В 1-11-60, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50087 • Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Б—01068

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Б. ГАЛАНОВ, В. ГАЛИН, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).